

* * *

Я ведь тоже дрова колола —
По-девчоночьи, но всерьёз, —
До парящей горячей соли
Даже в самый крутой мороз.

Как ни странно, я обожала
Посоперничать с топором:

Укротить молодое жало
И гордиться собой тайком.

Дом натоплен, воркует печка,
И домашних манит еда...
Закаталась бы жизнь в колечко,
Я бы с печкою — навсегда.

Тогда

Двор большой, из тёса стайки,
В два подъезда новый дом.
...Как в посёлке пахнут сайки
Из пекарни за углом!

Нет терпенья. Не до сáлок.
Разбежались по домам.

Кто жуёт горбушку с салом,
Кто — с водою пополам.

Лёгкий голод заморили —
И опять бегом во двор...
Светоносной жизнью жили,
Вот и живы до сих пор.

Лоскутная Россия

(Дедушке, бабушке, их большой крестьянской семье,
совсем небогатой и раскулаченной в 1933 году)

Я скатаю Родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы...

Юрий Кузнецов

В старинном бабушкином крепком шифоньере
С резьбой на дверцах из особенной фанеры,
Что мягко открывались с потаённым стоном,
Любила прятаться я по углам просторным.
Мы — маленькие — с сёстрами-кузинами
Шалили вечерами новогодне-зимними,
Чтоб деду не мешать, играли тихо в прятки.

В забытых ящиках, объёмных и тяжёлых,
Лежало много-много синих, серых, жёлтых
Сатиновых — обрезков в «стопках-одноцветках».
Но больше лоскутов, что с птицами на ветках,
С ромашками в лугах, с цветными мальвами,
Подолгу разбирать тот клад не уставали мы —
В них лето видели, а не для кукол тряпки.

Над ними колдовали бабушка и мамы —
Полоски дивные сшивали — и часами
То песни пели, то частушки — их немало!
И, словно в сказке, появлялось покрывало —
Весёлое, большое, очень крепкое...
О, память, память, въедливая, цепкая —
Совсем не детские являла нам заплатки.

Лоскутной, но не рваную я видела Россию —
Для недругов — загадкой русской, непосильной.
Какой порвётся лоскуток, тогда его лагаем,
Или в яйцо от злейших вóрогов скагаем...
... Из Тугуш¹ в Читу пришли они когда-то —
Крестьяне-предки, были брат за брата!
В сибирских далях не играли в прятки.

На Байкале

Пахнет хлебом свежим, Сладко дышит печь, Хорошо бы нежить Тёплым словом речь!	Кровь от счастья стынет — Посреди веков! Скалы — словно стражи Вольной красоты. Кто-то с неба скажет: — Здесь бессмертна ты!
В душу проникала И звала лыжня! Снова по Байкалу Провела меня.	... В доме пахнет хлебом, Божья благодать! А простор и небо, Чтобы — не устать...
Там, на сердцевине, Между берегов	

* * *

Что-то дикое, одинокое И зовёт, и встаёт предо мной. Лишь глухарь в кедраче томно токает, Лишь река к небу льнёт синевою,	Никакого следа человеческого В первозданном краю не видать. Мне в глаза смотрит Божья — извечная — Нами попанная благодать.
--	--

* * *

Если есть у нас жизни прошлые, То скажи-поделись — в какой — Замороченной, запорошенной — Разлучило меня с тобой?!	Но родными, а не постылыми Мы давали любви обет... А сегодня висками-инеем К твоему прикоснусь плечу... Ты чужой, но родной! Отныне я За тобой, как звезда, лечу!
То ли братом с сестрою были мы? То ли мужем с женой? Иль нет?	

¹Тугуша — деревня в Красноярском крае.

Рождественское

Не по-земному тихо-тихо
Под зимней неба синевой,
А днём ещё метель-крутиха
Являла миру норов свой.

Сочельный вечер снегом чистым
Укрыл асфальт и дерева.
В наряде свадебном пушистом
Стоит сирень, дыша едва;

Сосна в мехах из горностая
Застыла, царственно строга;

И ночь, часы-века листая,
Вошла в затишья берега.

До малой клеточки природа
В плену святого торжества,
Всё в ожидании восхода
Звезды священной Рождества.

Вот свечи затепляют в храме,
Вот песнопенье льётся ввысь,
И — свет звезды и сердца пламя
Во всепрощении слились.

* * *

Ты устал, мой хороший, от войн.
Глянь, душа, как смольё, обгорела.
Всё молчишь, а внутри тебя вой
В давнем прошлом живущего тела.

Нет знакомого блеска в глазах,
Нет живой потаённой улыбки,
Вижу: тянут раздумья назад
В чёрный ком, окровавленно-липкий.

Да отринь же от сердца скорей
Думы мрачные, плена картины!
Не себя, так детей пожалей,
Посмотри на печального сына.

Он не может пробиться в твой свет
И постичь отстранённого взгляда...

Вот уже миновало пять лет,
Как вернулся мой воин из ада.

В тот кошмар, в ту войну — не твою —
Затвори крепко-накрепко сени,
Сядь поближе ко мне, на скамью,
И приляг головой на колени.

Я спою тебе снова про шаль,
Шёлк волос твоих бережно глядя,
Про Байкал и сибирскую даль...
Отдохни, сон целительный глядя.

Душу спящую песням открой, —
Много жизней вернули обратно
Наши песни на равных с мольбой.
...Я шепчу «Отче наш» троекратно.